

А. А. Новик

НАЧАЛО ГОДА У АЛБАНЦЕВ БАЛКАН И ДИАСПОРЫ: БУЗМИ И НОВОГОДНЯЯ ЕЛКА

Албанцы, как и другие народы Юго-Восточной Европы, до настоящего времени сохраняют ряд обрядовых практик, связанных с началом года, которые уходят своими корнями в архаику. В статье будут рассмотрены вопросы, касающиеся данной темы, на материалах, главным образом полученных во время экспедиций в Северную Албанию (краина Дукагьин), Юго-Восточную Албанию (краины Корча, Дэвол, Колёнья), а также в Буджак и Приазовье (в албаноязычные села Жовтневое, Гаммовка, Девнинское, Георгиевка, расположенные, соответственно, в Одесской и Запорожской областях Украины). Экспедиции в указанные регионы проводились автором начиная с 1992 по 2013 г. За это время было собрано огромное количество материалов, анализ которых выходил бы за рамки традиционного объема статьи, поэтому решено было остановиться на двух сюжетах, имеющих непосредственное отношение к началу года, окончанию одного временного цикла и началу нового в обрядовых практиках и культуре албанцев Балкан и диаспоры. Эти сюжеты, несмотря на различие уровней и функций, а также место в истории этноса и его этнических групп (в плане длительности бытования, степени адаптации в культуре, важности в системе ценностных координат), объединяет знаковая составляющая: они являются важными символами начала года в сознании людей, маркерами перехода из одного состояния в другое природы, ее составляющих (растительного и животного мира, пастбищ и пашен, водной стихии и земельных недр), всего окружающего, жизни и самого человека. Рассмотрим следующие сюжеты: *бу́зми* у албанцев Балканского полуострова и новогодняя елка у албанцев Украины и Юго-Восточной Албании.

Бу́зми

Бу́зми (алб. *buz|ëm, -mi*) у албанцев называется обрядовое дерево (или несколько деревьев), которые приносятся в дом и кладутся в огонь открытого очага в праздничную ночь. Обычай связан

с праздничной обрядностью, когда отмечается поворот солнца к лету, и тесным образом соотносится в своем происхождении с культом солнца [Tirta 2007]. Традиция связывает обрядовые практики с *бузми* с рождественской ночью (*Nata e Kërshëndellave*) (24 декабря), колядками (*kolenrda*), с новогодней ночью (*nata e Vitit të Ri*) (31 декабря). Время сжигания *бузми* зависит от *краины* или региона в албанских землях. Сжигать *бузми* могут и в другое время, но оно в любом случае близко соотносится с поворотом солнца к лету [Tirta 2004: 282].

С *бузми* выполнялась серия обрядов магического характера, цель которых была в увеличении будущего урожая в сельском хозяйстве, увеличении поголовья домашнего скота, в повышении благосостояния семьи. Здесь можно наблюдать стремление за счет магических практик увеличить урожайность пашен, садов, виноградников, приплод скота и птицы, а также пополнение в семье [Tirta 2006: 443–449].

Эта традиция фиксируется практически во всех регионах албанского ареала: на севере и юге Албании, в Косово, среди арбрешей Италии и у арванитов Греции. В этом контексте показателен факт, что обряд не сохранился до настоящего времени у албанцев Украины (при этом у албанцев Приазовья старожилы не могут припомнить особых ритуальных практик с поленом накануне Рождества и Нового года, а в Буджаке албанцы, проживающие в одном селе с болгарями и гагаузами, знают о подобной традиции, но не берутся судить о том, к какой этнической культуре она восходит). Также показательно сохранение слова *бузми* у албанских переселенцев в различных регионах, куда их привели пути миграции¹.

Слово «бузми» повсеместно обозначает ритуальное дерево, однако в различных регионах к этому значению добавляются новые. Так, на севере Албании *buzmi* обозначает еще и большой камень очага, рядом с которым разводят огонь. Здесь фиксируются такие названия: *carani i zjarrit* (pl. *carajt e zjarrit*), *buzmi i zjarrit* (pl. *buzmet e zjarrit*). На юге страны *buzmi* обозначает бревно или полено (от большого дерева) либо толстую палку. В Южной Албании фиксируются следующие названия обрядового дерева: *Shkopi i Kërshëndellave*, *Trungu i Kërshëndellave*, *Kërcuri i Vitit të Ri*, *Kërcuri*

¹ О миграциях албанцев см.: [Tirta 1999; 2006: 139–184].

i Kondrave, Kopaçja e Vitit të Ri [Tirta 2004: 282]. Обращает на себя внимание различие в отождествлении обрядового дерева: у гегов оно прочно связывается с камнем очага, на котором и происходит обрядовое жертвоприношение, а у тосков — с бревном, поленом, т.е. налицо противопоставление камня и дерева.

Эчрем Чабей этимологизирует слово *buz|ëm, -mi* как автохтонное албанское, имеющее индоевропейский корень [Çabej 1960: 81–82]. Слово *kërcuri* считается славянского происхождения. Однако Э. Чабей, а вслед за ним и ряд других этимологов причисляет данное слово к пласту старой албанской лексики и утверждает, что из албанского оно было заимствовано другими балканскими языками [Çabej 1961: 61].

В различных регионах Албании существовали различные практики, связанные с обрядовым деревом, которое сжигали в определенную ночь. Этим фактом и обусловлено многообразие названий как самой реалии, так и обрядов, с ней связанных.

Во время экспедиции в Дукагьин в 1996 г. [Новик 2002: 145–165] автором были зафиксированы представления местных жителей (основные материалы записывались в *лягье* Абат) о том, что *buzmi* — это жертва, которую приносят, чтобы умиловить силы природы [АМАЭ: Новик 1996; Албания. Дукагьин. 1996. ПМА]. Албанский этнограф Марк Тирта, уроженец Ороша в Мирдите, соседней с Дукагьином *краине*, пишет: «... мы имеем дело с божеством растительного мира; этот демон, или божество, в определенный день умирает, чтобы возродиться заново. Через соответствующие обряды люди пытаются направить божественную силу в сельскохозяйственные растения и домашний скот, чтобы придать им сил и способности к увеличению урожая и к размножению, чтобы они были здоровыми и плодовитыми» [Tirta 2004: 282].

В Дукагьине традиционно в дом приносят ровное, гладкое (в смысле без сучьев) полено из дерева грецкого ореха. Вместе с ним в дом вносят ветвь виноградной лозы. Их помещают в очаг, складывая крест-накрест. При этом обязательно произносят следующую речевую формулу: *Po vjen buzmi bujar me bulqi (bujqësi) e shtrri (dhiz e qingja)* («Приходит щедрый бузми для земледелия и животноводства (коз и овец)») [Tirta 2004: 282]. Домочадцы обкладывают *бузми* тлеющим хворостом, сверху накладывают сухих

веток и приваливают большим поленом, чтобы огонь как можно лучше разгорался. В Дукагьине бытуют верования, согласно которым более толстая часть *бузми* имеет непосредственное отношение к хлебопашеству, разведению плодовых деревьев и виноградарству, а более тонкий конец полена «отвечает» за домашний скот. По тому, как горит ритуальное полено (с какой стороны ярче пламя, как образуется пепел и выделяется внутренняя влага древесины), судят об урожае и прибыли в земледелии или разведении домашнего скота [Албания. Дукагьин. 1996. ПМА].

Франц Нопча в начале XX в. зафиксировал следующий обряд. В дом приносили виноградную лозу и несколько поленьев. Их укладывали на камень очага таким образом, что лоза двумя краями касалась различных поленьев. На одно из поленьев помещали ломоть хлеба и кусок брынзы, а на другое ставили стакан ракии. От огня, горевшего в очаге, лоза начинала постепенно выделять сок. Хозяева внимательно следили за происходящим. Считалось, что если сок начинал выделяться со стороны полена, на котором лежали хлеб и брынза, то предстоящий год обещает быть особенно урожайным и принести приплод скоту и много молочных продуктов. Эта сторона считалась стороной хозяйки дома. А если сок начинал выделяться со стороны полена с ракией, считалось, что в предстоящем году будет хороший урожай винограда и инжира [Норҫа: 66].

Обрядовые действия с рождественским поленом сохранились и в Южной Албании до наших дней. Так, во время экспедиций в стране Дэвол в 2011–2013 гг. были записаны нарративы о традиции внесения в дом ритуального полена накануне Рождества. Однако эта традиция стала уступать место в последние годы обычаю наряжать рождественскую/новогоднюю елку (пихту, сосну, искусственное дерево), который пришел, по мнению наших информантов, с Запада, а вернее — с юга, т.е. из Греции, с которой у местных жителей давние, насчитывающие многие века экономические и культурные связи. Рождественская ель вытеснила в последние десятилетия обычай приносить в дом ритуальное полено и ветки фруктовых деревьев — их заменило привычное уже молодому поколению ритуальное дерево, которое украшают на западный манер. Сценарий замены одного обряда другим в Юго-Восточной

Албании выглядел очень похоже на происходившее у этнической группы албанцев, проживающих на территории Украины.

Новогодняя ель

У албанцев Приазовья не сохранился обычай приносить в дом на праздник рождественское полено. Такая практика бытует до нашего времени на Балканах — албанцы приазовских сел такого обычая припомнить уже не могут [АМАЭ: Новик 1998; 2009А; 2009Б; 2010А; 2010Б; 2011А; 2011Б]. Однако люди старшего поколения охотно рассказывают о том, как во времена их детства в традицию входила новогодняя ель (похожие нарративы были записаны и на Балканах, в Юго-Восточной Албании).

Первые новогодние елки в албанских селах Приазовья появились лишь в конце 1940-х годов. Так, в с. Георгиевке елки в клубе и школе поставили впервые в 1949 г. [АМАЭ: Новик 1998: 56]. Елка как символ праздника появилась в домах приазовских албанцев еще позднее — в конце 1960-х годов. Украшенное дерево ассоциировалось в большей степени с Новым годом, а не с Рождеством. Традиция устанавливать в домах новогодние елки пришла под влиянием городской культуры и советской системы ценностных ориентиров. А потому елка стала символом светского праздника — Нового года. До 1967–1968 гг. елок в частных домах не было [АОЕ: Новик 2010; Канарова А.: Рождество]. Первые елки местные жители стали приобретать в городских магазинах. Как правило, это были искусственные елки из пластмассы — разборные синтетические ветви крепились на металлический стержень. Первые елки были небольшого размера — меньше 1 метра. Игрушки к елкам покупали также в городе — в Мелитополе или Приазовском.

В более ранний период о существовании новогодних елок местные жители не знали — информационное поле было очень ограниченным. В эпоху царской России традиционные установки, принятые в столицах и крупных городах государства, очень медленно приживались в среде балканских колонистов. Новогодняя елка как явление стала знакома албанцам в Приазовье лишь в годы Советской власти. Елки, которые устанавливали в городах или в сельской школе для детей, воспринимались местными жите-

лями как элемент городской культуры и официальной идеологии. Увидев новогодние елки в домах своих городских родственников, сельские жители переняли этот обычай, и постепенно он вошел в местную традицию. Немаловажный фактор и материальный. Улучшение экономического положения крестьян позволяло тратить деньги уже не на первоочередные нужды [АМАЭ: Новик 2010А; 2010Б; 2011А; 2011Б].

В степной зоне Приазовья живую ель встретить практически невозможно. Поэтому долгое время местные жители довольствовались искусственными елками. В конце 1970-х — 1980-е годы в регион стали привозить живые ели. Чтобы порадовать детвору, многие семьи стали устанавливать в домах именно такие деревья [АМАЭ: Новик 2010А; 2010Б; 2011А; 2011Б]. Полюбоваться новогодней красавицей приходили соседские дети, родственники, друзья. Традиция устанавливать к Новому году елку сохраняется до наших дней. В некоторых домах до сих пор наряжают искусственные елки, купленные еще в 1960-е годы — они стали устойчивыми маркерами новогодних праздников для многих семей и особенно живущих в одиночестве пожилых людей.

Обычно новогоднее дерево украшают к 31 декабря, а разбирают после Старого Нового года, т.е. после 14 января. Запах свежей хвои или блеск игрушек на искусственной елке стали неизменными атрибутами и рождественских праздников, хотя, повторим, елка воспринимается как символ Нового года и лишь во вторую очередь как символ Рождества.

Новое осмысление ели как рождественского дерева пришло в последнее время, после перестройки в Советском Союзе и формирования Украины как независимого государства, в 1990–2000-е годы. Основное влияние на формирование нового образа оказал пример западных стран, где елка воспринимается в первую очередь как символ Рождества. Западная реклама, западные фильмы, открытая информация, интернет-ресурсы, западный образ жизни (многие жители албанских сел сумели побывать в последние годы на Западе) сделали свое дело — новогодняя елка, некогда продукт и образ советской идеологической системы, стала ассоциироваться с Рождеством, домашним уютом и семейными буржуазными ценностями.

Наши информанты на подробные расспросы о том, не припомнят ли они, как во времена их детства старшие приносили в дом рождественское полено или что-то похожее, переключают беседу на новогоднюю елку, высказывая предположение, что именно последняя могла вытеснить своего предшественника — *бузми*. Вне всякого сомнения, традиция приносить в дом и сжигать рождественское полено у предков нынешних албанцев Приазовья существовала (эта традиция сохраняется в тех местах, где они, скорее всего, жили до переселения), однако она была вытеснена другими ритуальными практиками, как то: установление новогодней елки, одаривание близких и др.

Очень похоже ситуация развивалась и в Юго-Восточной Албании. В Дэволе новогодняя ель заменила рождественское полено, которое прежде сжигали в очаге, во второй половине XX в. [АМАЭ: Новик 2011В; 2011Г]. На слом традиции повлияли именно инновации, исходившие как из центра — столицы Тираны, так и с Запада (для данной страны географически — с юго-востока), т.е. из Греции, культура которой была на протяжении многих столетий исключительно престижной для местных жителей. Вместе с рождественской елкой были заимствованы елочные игрушки, традиция одаривать близких подарками, в целом сам обычай встречать православное Рождество так, как его встречают на католическом и протестантском Западе [Иванова-Бучатская 2011].

Дальнейшее изучение ритуальных практик, связанных с началом года у албанцев, обещает дать богатый материал. Особенно продуктивными такие исследования могут стать у албанцев диаспоры, которые сохранили ряд архаичных элементов и обрядов [АОЕ: Новик, Ермолин 2010: Бурлачко], не прослеживающихся в основном албаноязычном ареале [Tirta 1999]. Заимствования и проникновение в традиционные практики иноэтничных и инोकультурных компонентов, с одной стороны, и консервация архаичных элементов, с другой стороны, привели к сложению уникального комплекса представлений, верований и обрядовых действий, описание и анализ которых помогут в понимании языковой картины мира албанцев, в изучении их этнической истории и традиционной культуры.

Источники

Архив отдела европеистики МАЭ

Албания. Дукагьин. 1996. ПМА — *Новик А.А.* Албания. Дукагьин. 1996. Полевые материалы автора.

АОЕ: Новик 2010: Канарова А.: Рождество — *Новик А.А.* Канарова А.: Рождество. Цифровая аудиозапись. 2010 // Архив отдела европеистики МАЭ. Приазовский отряд 2010. Новик А.А.

АОЕ: Новик, Ермолин 2010: Бурлачко — *Новик А.А., Ермолин Д.С.* Бурлачко. Цифровая аудиозапись. 2010 // Архив отдела европеистики МАЭ. Приазовский отряд 2010. Новик А.А., Ермолин Д.С.

Архив МАЭ

АМАЭ: Новик 1996: Дукагьин — *Новик А.А.* Дукагьин. 1996. Аудиозапись. Аудиофонд ЛАВА (Лаборатории аудиовизуальной антропологии) МАЭ. Малый диалектологический атлас балканских языков.

АМАЭ: Новик 1998 — *Новик А.А.* Албанцы Украины. Запорожская, Одесская области. Полевые записи. Автограф. 1998. Архив МАЭ РАН. К-1. Оп. 2. № 1726. 202 л.

АМАЭ: Новик 2009А — *Новик А.А.* Традиционная культура албанцев Приазовья. Приазовский район, Запорожская область, Украина. Ксерокопия полевого дневника. 2009. Архив МАЭ РАН. К-1. Оп. 2. № 1934. 95 л.

АМАЭ: Новик 2009Б — *Новик А.А.* Отчет об экспедиционных исследованиях в Приазовье в июле-августе 2009 года. Принтерный вывод. 2009. Архив МАЭ РАН. К-1. Оп. 2. № 1935. 85 л.

АМАЭ: Новик 2010А — *Новик А.А.* Приазовский отряд 2010. Полевая тетрадь. 06.-26.07.2010 г. Ксерокопия тетради. 2010. Архив МАЭ РАН. К-1. Оп. 2. № 1983. 122 л.

АМАЭ: Новик 2010Б — *Новик А.А.* Отчет об экспедиционных исследованиях в Приазовье в июле 2010 г. 06.-26.07.2010. Принтерный вывод. 2010. Архив МАЭ РАН. К-1. Оп. 2. № 1984. 58 л.

АМАЭ: Новик 2011А — *Новик А.А.* Приазовский отряд 2011. Традиционная культура албанцев, болгар и гагаузов Приазовья, Украина. Полевая тетрадь. Ксерокопия. Июль 2011. Архив МАЭ РАН. К-1. Оп. 2. № 2043. 100 л.

АМАЭ: Новик 2011Б — *Новик А.А.* Отчет об экспедиционных исследованиях в Приазовье в июле 2011 г. Принтерный вывод. Июль 2011. Архив МАЭ РАН. К-1. Оп. 2. № 2044. 24 л.

АМАЭ: Новик 2011В — *Новик А.А.* Тоскерия — 2011. Изучение традиционной культуры албанцев Тоскерии (области: Корча, Колёнья, Дэвол),

черногорцев Черногории, сербов Черногории. Полевая тетрадь. Ксерокопия. Сентябрь 2011. Архив МАЭ РАН. К-1. Оп. 2. № 2049. 123 л.

АМАЭ: Новик 2011Г — *Новик А.А.* Отчет об экспедиционных исследованиях в Тоскерии (Албания) в сентябре 2011 г. Принтерный вывод. Сентябрь 2011. Архив МАЭ РАН. К-1. Оп. 2. № 2050. 11 л.

Arkivi i Institutit të antropologjisë kulturore dhe studimeve të artit (Tiranë, Shqipëri)

Норџа — *Норџа F. Shqipëria. Dorëshkrim.*

Библиография

Иванова-Бучатская Ю.В. Немецкое Рождество: традиционные компоненты, предметы и символы в коллекциях и архивных материалах МАЭ РАН // Культурное наследие народов Европы / Отв. ред. А.А. Новик. СПб.: Наука, 2011. С. 8–92. (Сборник МАЭ. Т. LVII).

Новик А. Католички празници, обреди и народно хришћанство у Дукађину. Грађа са експедиције у северноалбанске Алпе // Култ светих на Балкану. II. Примљено на 17. Седници Научног већа Центра за научна истраживања САНУ и Универзитета у Крагујевцу. Библиотека ЛИЦЕУМ. Књига 7 / Одговорни уредник Никола Тасић. The Cult of Saints in the Balkans. II. Received at the XVII session of the Scientific Council of the Centre for Scientific Research SASA and University of Kragujevac / Editor in chief Nikola Tasić. — Крагујевац: Центар за научна истраживања Српске академије наука и уметности и Универзитета у Крагујевцу, 2002. С. 145–165.

Плотникова А.А. Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала (Plotnikova A.A. Materijali za etnolingvističko proučavanje balkansko-slovenskog areala / Prevod M. Ilić). М.: Институт славяноведения РАН, 2009. 160 с.

Седакова И.А. Балканские мотивы в языке и культуре болгар. Родинный текст. М.: Индрик, 2007. 432 с.

Ќабеј Е. Studime etimologjike // Studime Filologjike. 1961.

Ќабеј Е. Studime rreth etimologjisë së gjuhës shqipe. I // Buletin i Universitetit Shtetëror të Tiranës. Seria Shkencat Shoqërore. 1960. Nr. 4.

Тирта М. Migrime të shqiptarëve të brendshme dhe jashtë atdheut. (Vitet '40 të shek. XIX — vitet '40 të shekullit XX) // Etnografia Shqiptare. Tiranë: Shkenca, 1999. Nr. 18. 209 f.

Тирта М. Mitologjia ndër shqiptarë. Tiranë: Shkenca, 2004. 452 f.

Тирта М. Etnologjia e shqiptarëve. Tiranë: GEER, 2006. 540 f.

Тирта М. Panteoni e simbolika: doke e kode në etnokulturën shqiptare. Tiranë: Nënë Tereza, 2007. 376 f.